

RU

Исторический обзор языковой ситуации в Брюсселе

Журавлева О. М., Ульяницкая Л. А., Шумков А. А.

Аннотация. Цель исследования – раскрыть причины доминирования французского языка в Брюсселе на фоне развития в этом городе беспрецедентного языкового смешения. В работе анализируется становление языковой ситуации в Брюссельском столичном регионе с особым вниманием к государственной языковой политике Бельгии, обсуждается лингвокультурное значение используемых в столице языков. Научная новизна заключается в том, что впервые вариант французского языка, используемый в Брюсселе, рассматривается как потенциальное ядро для формирования бельгийского французского языка. В результате обосновано наличие предпосылок для языкового смешения на территории Брюссельского столичного региона и выявлены социальные, культурные и политические причины неформального лидерства французского языка как в норме, так и в бельгийском варианте.

EN

Historical Survey on Linguistic Situation in Brussels

Zhuravleva O. M., Ulianitckaia L. A., Shumkov A. A.

Abstract. The paper aims to reveal causes of the French language dominance in Brussels taking into account the fact that the city is a unique mixture of languages. The article analyses the process of forming the language situation in Brussels metropolis through the lens of the Belgian language policy and discusses linguocultural meaning of the metropolis languages. Scientific originality of the study lies in the fact that Brussels variant of French is for the first time considered as a basis for Belgian French formation. The research findings are as follows: the authors identify prerequisites for multilingualism development in Brussels metropolis and reveal social, cultural and political causes for informal dominance of the French language both at the city level and at the national level.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, сегодня языковая политика стала действенным инструментом воздействия на народные массы и управления ими, который позволяет провоцировать разногласия или же, напротив, достигать примирения. Во-вторых, актуальность объясняется все возрастающей ролью Брюсселя как столицы Европейского союза, что делает этот город примером сосуществования и взаимодействия представителей разных языковых и культурных групп. Брюссель представляется некой экспериментальной площадкой, изучение которой может дать ценный опыт для проведения языковой политики в странах и городах с несколькими официальными или же не официальными, но активно используемыми языками.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, дать исторический обзор событий, повлиявших на становление языковой ситуации в Брюсселе; во-вторых, осветить современную языковую ситуацию в Брюсселе; в-третьих, описать языковое разнообразие Брюсселя, а также степень ассимиляции рассматриваемых языков в повседневной коммуникации жителей бельгийской столицы.

В качестве основного в статье избирается описательный метод. При этом авторы обращаются также к методу содержательной интерпретации собранных данных.

Теоретической базой исследования послужили научные труды и публикации, посвященные описанию языковой ситуации в Бельгии и в Брюсселе, а также особенностям французского брюссельского варианта, И. Е. Денисенко [1], В. Т. Клокова [2], Л. В. Разумовой [4], С. де Вриндт [15], Ш. Кастало [6], А. Мерфи [8], В. Свенден, М. Бранс [12], Х. ван Вельтховен [14], Э. Уитт [21].

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов при проведении языковой политики в странах и городах с двумя или несколькими официальными языками. Выводы, сделанные в ходе анализа языковой ситуации в Брюсселе, показали, что за французским языком в Брюсселе

закрепилась главенствующая роль, несмотря на географическое нахождение столицы на исконно нидерландоязычной территории. Полученные результаты могут быть использованы при проведении социологических и лингвистических полевых исследований в качестве базовой модели языкового поведения на территориях, где население говорит на нескольких языках. Кроме того, результаты исследования могут применяться при проведении лекций и семинаров по теории языка и лингвокультурологии для студентов, обучающихся по направлению «Лингвистика», а также спецкурсов и спецсеминаров по межкультурной коммуникации для студентов любых гуманитарных направлений подготовки в качестве примера языкового взаимодействия на территории с несколькими государственными языками. Также результаты возможно применить при составлении учебных пособий по общему языкознанию в части таких разделов, как социолингвистика, теория языковых контактов и лингвистическая интерференция.

Языковая ситуация в Бельгии в целом и в Брюсселе в частности представляет большой интерес для лингвистов и культурологов. В результате многовековой истории смешения различных народностей на этих территориях сформировался разнообразный языковой и культурный состав. Долгое время жителям Фландрии и Валлонии удавалось находить пути к более или менее гармоничному взаимодействию, однако теперь на первое место выходит противостояние народов, их языков и культур, что, с точки зрения некоторых политологов и культурологов, может стать причиной распада страны.

На территории Королевства Бельгии еще в давние времена сложились предпосылки для появления и функционирования многочисленных диалектов, принадлежащих к различным языковым группам [4]. Результатом развития сложной языковой ситуации стало введение особой языковой политики, призванной регулировать языковые контакты на официальном уровне. В настоящее время в Бельгии 27 муниципалитетов обязаны предоставлять услуги гражданам на любом из трех государственных языков – нидерландском, французском или немецком, вне зависимости от того, какой из этих языков признан официальным в каждом конкретном муниципалитете. Остальные муниципалитеты, за исключением находящихся в районе официально двуязычного Брюсселя, являются одноязычными и предоставляют услуги исключительно на своем официальном языке.

Брюссельский столичный регион, сформировавшийся в ходе исторического развития территорий современной Бельгии и оказавшийся во Фландрии, является совершенно особым с точки зрения языковой специфики, и большинство его жителей предпочитает использовать французский язык. В Брюсселе из трех государственных языков официальный статус имеют французский и нидерландский; немецкий делит участь языков национальных меньшинств наряду с арабским, турецким, испанским и итальянским, на нем говорит около 5% населения столицы.

В настоящее время Брюссель все более становится центром использования французского языка, уподобляясь Валлонскому региону, и столичный вариант обладает своей особой вариативностью и упорядоченной нормой. Однако Брюссель, находясь на территории Фландрии, представляет собой анклав. Исторически столица Бельгии является городом, в котором говорили на южно-брабантском диалекте нидерландского языка. Постепенно в городе осуществился переход к двуязычию, а затем и доминированию французского языка.

Брюссельский вариант французского языка мог бы выступить в качестве основы бельгийского французского, как и, собственно, валлонский вариант. Вследствие бицентризма и, стало быть, объективной неоднородности французского языка, используемого в Бельгии, между автохтонными романскими языками Валлонии и бельгийским французским не сформировалось никакого промежуточного языка, как это произошло во Фландрии. Формированию промежуточного языка на романских территориях Бельгии противостояла также мощнейшая экспансия общепольской нормы.

Исторический контекст формирования языковой ситуации в Брюсселе до XX века

Королевство Бельгии обрело независимость относительно поздно, в результате восстания 1830 года. До этого момента территория являлась частью различных государственных образований, которые оказывали значительное влияние на использование языка, культуру и менталитет проживавших здесь народов. На фоне стремления к государственной самостоятельности и отделению от Нидерландского королевства именно французский язык приобрел большое значение [2]. Он был широко распространен в аристократических и буржуазных кругах, его привыкли использовать духовенство, сотрудники администраций и часть среднего класса. Это обстоятельство сыграло решающую роль и в широком распространении французского языка в Брюсселе.

Поскольку Брюссель находится во Фландрии, где традиционно использовался нидерландский язык, усиление влияния французского языка не может не обратить на себя внимание. Романское воздействие на языковую картину столицы началось в Брюсселе с XVI века, когда, по наблюдению И. Е. Денисенко, использовавшийся с XIII века германский диалект *thiois* в административной сфере стал заменяться на французский язык [1].

Отметим, что в период Средневековья в Брюсселе говорили на южно-брабантском диалекте. Марольский диалект брабантской диалектальной группы до сих пор распространен в столице [9], но некоторые лингвисты предпочитают называть его социолектом. Иногда в научной литературе этот диалект обозначается как «брюссельский», что не совсем верно, поскольку на территории Брюсселя можно достаточно найти как минимум еще два автохтонных языковых варианта – баргунский (язык бродяг, уличных торговцев и артистов) и диалект района Моленбек. Однако марольский представлен наиболее ярко. На нем написаны литературные произведения, поставлены спектакли, существуют словари, выпускаются журнальные издания [16].

Начиная с XVIII века в юго-западной части столицы, в квартале Мароль, стали селиться рабочие, приехавшие с юга Бельгии, из Валлонии. В их среде и возник марольский диалект, отличающийся от других брабантских диалектов большим числом валлонских заимствований. С годами этот диалект все более превращался в язык рабочего класса и вбирал в себя заимствования из французского, испанского, немецкого, английского языков, а также языка идиш. Позднее, в XIX веке, в процессе активной галлизации Брюсселя марольский диалект был практически полностью вытеснен французским языком, который стал обязательным языком администрации и образования. Цифры, известные из переписей населения, говорят сами за себя: в 1830 году франкофоны составляли около 30% населения Брюсселя, а через сто лет эта цифра достигла 70%. Согласно современным оценкам, франкоговорящее население Брюсселя составляет более 80% [13].

В наши дни марольский язык (диалект) представляет интерес в основном для лингвистов и культурологов. Однако он является предметом национальной гордости незначительного количества носителей этого языка, широко задействуется в традиционных кукольных спектаклях, и в его поддержку организуются различные культурные мероприятия. Так, в 2004 году для жителей квартала Мароль (их насчитывается около 2000 человек) было устроено настоящее пиршество от авторов фотоальбома «Последние из брюссельцев», презентация которого состоялась в том же году. Также в Мароле была создана инициативная группа, поставившая перед собой задачу добиться включения марольского в список 19 официальных (с учетом расширения) языков Евросоюза. Намерения марольцев вполне серьезны. Инициативная группа уже объявила конкурс по набору переводчиков с марольского на основные рабочие языки ЕС – английский, французский и немецкий [3].

Марольский диалект иногда определяется лингвистами как арго, так как, будучи изначально языком представителей рабочих профессий, он особенно развил в себе экспрессивную сторону ненормативной лексики, а также создал целый ряд устойчивых выражений, пословиц, поговорок, иногда непонятных носителям как нидерландского, так и французского языков. Поэтому если сегодня молодежь и прибегает к марольскому диалекту, то, как правило, с намерением эпатировать собеседника. Одним из наиболее широко известных марольских выражений является ругательство “skieve archetec” (буквально – «подлый архитектор») (здесь и далее перевод автора статьи А. А. Шумкова. – *О. Ж., Л. У., А. Ш.*). Оно возникло во второй половине XIX века, когда на территории квартала Мароль был построен огромный Дворец правосудия, для размещения этого здания снесли десятки домов, и многие марольцы лишились своего жилья. В настоящее время марольским диалектом владеют около 7% жителей Брюсселя (и столько же – лимбургским (тонгеренским) диалектом). Наиболее распространенный в городе диалект нидерландского языка – западно-фламандский (около 23% жителей). При этом лимбургский и западно-фламандский диалекты не являются для Брюссельского региона автохтонными.

Использование на территории Брюсселя различных языков и диалектов продолжалось длительное время и актуально до сих пор. Однако постепенно сложилось устойчивое большинство – те жители, которые осознанно предпочитают использовать именно французский язык. Влияние французского языка и культуры в Брюсселе становилось все сильнее, через несколько поколений нидерландоязычное население Брюсселя могло уже считать французский своим родным языком. Это свидетельствует об осознанном выборе французского языка и невысоком престиже нидерландского. Произошло социальное расслоение – политическая элита использовала французский язык, а низшие слои – нидерландский. Следовательно, для того чтобы попасть в высший свет или улучшить свое материальное положение, жителям столицы необходимо было учить и использовать именно французский язык как маркер респектабельности, успешности.

Несмотря на закрепленную в конституции страны языковую свободу, высшие классы общества предпочитали использовать французский язык, и поскольку основные органы власти оставались в руках элиты, именно французский язык стал распространяться по всей Бельгии. Этот процесс отрицательно сказался на нидерландоязычных гражданах (и, позднее, тех, чьим родным языком был немецкий, плат-дитс, рипуарский или люксембургский), а также на валлонах и пикардийцах.

В годы формирования национальной идентичности и государственной независимости Брюссель сохранял в основном южно-брабантский диалект, а франкофоны оставались в меньшинстве. Однако первый мэр столицы нового государства Николя-Жан Рупп провозгласил французский язык единственным языком городского управления. Брюссель стал политическим центром страны, привлекал экономическую и культурную элиту, и вскоре франкоязычие охватило не только высшие, но и средние классы.

В 1846 году уже 30% жителей города объявили себя франкоговорящими, в то время как в Генте этот процент составлял 5%, а в Антверпене – 2% [5]. Многие франкофоны – и буржуа, и интеллигенция – являлись по своему происхождению этническими фламандцами (их называют франскильонами). Среди франскильонов было много писателей и драматургов, предпочитавших французский язык нидерландскому. В самой Фландрии в 1860 году 95% жителей говорили на своих диалектах [Ibidem], но знание французского языка начинало осознаваться как насущная необходимость.

Быстрый рост города ускорил франсификацию. Административные учреждения и коммерческие предприятия предлагали множество выгодных должностей для франкоговорящих, и в течение первых десяти лет после 1830 года столичными жителями стали многочисленные выходцы из Валлонии, не говоря уже о беженцах из Франции, которые перебирались в Бельгию по политическим мотивам. Приезжие из фламандской сельской местности, не знавшие французский язык, формировали низшие социальные слои города. Среди валлонов и французов, напротив, было много представителей буржуазии, они имели хорошее образование и могли оказать существенное влияние на экономическую, культурную и политическую жизнь города и страны. Количественно в столице было больше валлонов, но конкуренцию престижному французскому языку валлонский язык составить не смог, и франсификация города продолжалась [14].

С притоком переселенцев, для которых французский язык был родным, и с увеличением числа валлонов-билингвов французский язык в Брюсселе использовался все чаще. Постепенно начала развиваться диглоссия; местный южно-брабантский диалект употреблялся преимущественно для общения с семьей, друзьями и знакомыми, про которых заведомо было известно, что они им владеют. Горожане-фламандцы вынужденно становились двуязычными, хотя качество их французского языка было весьма невысоким.

Инициатива Карела Бюлса, мэра Брюсселя в 1881-1899 годах, ввести в начальной школе изучение нидерландского языка не встретила поддержки из-за опасений внедрения северонидерландского варианта [Ibidem]. Постепенно расцвет культуры, образцом которой являлась культура «большого соседа» Франции, и экономический рост привели к повсеместному использованию французского языка.

В 1856 году премьер-министр Питер де Декер создал комиссию, которая должна была определить фламандские проблемы и внести предложения по их решению. Результатом работы этой комиссии стал проект, по которому в стране должно было быть установлено двуязычие. Но в Брюсселе проект не нашел понимания. Низшие социальные слои, которые могли бы поддержать идеи комиссии, были размыты большим количеством валлонов, приехавших на заработки. Практически все жители в большей или меньшей степени говорили на французском языке, в целом разрыв между элитой и простым населением города был невелик. В этот период ослабил свои позиции и марольский язык, несмотря на большое число французских и валлонских включений в лексической и грамматической сферах [15].

Кроме того, лидеры общественных объединений Брюсселя, входящие во Фламандское движение, являлись представителями преимущественно мелких предприятий или ремесленных промыслов. Этим Брюссель отличался от, например, высокоиндустриального Гента, где интересы рабочих защищали сами рабочие. Мелкие буржуа – независимые ремесленники, лавочники и служащие в основном прекрасно владели французским языком и вносили тем самым, наряду с более высокими классами, свою лепту в галлизацию Брюсселя. В таком составе брюссельское рабочее движение не относилось к классовую борьбу к языковому конфликту – внимание было более обращено на реализацию всеобщего избирательного права. На рубеже веков рабочее движение столицы даже одобряло двуязычие, рассматривая его как одно из средств эмансипации рабочего класса. В то время как система образования способствовала «офранцузиванию» брюссельских рабочих.

Пытаясь защитить нидерландский язык, представители Фламандского движения развивали идею двуязычия с преобладанием нидерландского языка во Фландрии. Франкофонами это предложение было отвергнуто – они также желали доминирования французского языка в Валлонии, но настаивали на двуязычной Фландрии и на выборе языка в брюссельской агломерации, что фактически сохраняло господство французского. Франкоговорящие жители опасались, что в случае двуязычного правительства им придется изучать нидерландский язык для работы в государственном секторе [12].

С 1870-х годов, однако, стали появляться законы по защите нидерландского языка, что было связано в том числе и с падением престижа Франции после франко-прусской войны. Права франкофонов не были ограничены, но статус нидерландского языка во Фландрии несколько укрепился [7]. В тот же период во многих фламандских провинциях стало возможно судопроизводство на нидерландском языке (закон Кореманса), но в Брюсселе традиционная процедура не менялась, и граждане могли составлять документы на нидерландском языке только с французским переводом [17].

Закон Де Лэта 1878 года был призван усилить значение нидерландского языка, внедряя его в административные органы. Но в Брюсселе и этот закон не действовал, нидерландский язык использовался только по запросу либо в ответ на письмо на нидерландском языке. Также, когда Фландрия получила право использовать родной язык в судебной системе, администрации и среднем образовании (1883 год), в Брюсселе предпочтение по-прежнему отдавалось французскому языку [14].

В целом закон о языковом равенстве выглядел скорее символическим. Около 1900 года большинство крупных фламандских городов, и в первую очередь Брюссель, продолжали использовать в делопроизводстве французский язык [17]. Языковое регулирование оказалось неэффективным, французский язык продолжал доминировать, а Брюссель все более подвергался тотальной франсификации.

Исторический контекст формирования языковой ситуации в Брюсселе в XX веке

Французский язык настолько укоренился в культуре страны, что обязательное среднее образование, введенное в Бельгии в 1914 году, в Брюсселе велось на французском языке, фламандских классов не было. Более того, высшее образование в университетах Брюсселя, Лёвена и Гента оставалось доступным только на французском языке вплоть до 1930 года. Несмотря на то, что франкофонов в стране было меньше, французских классов оказалось в разы больше. Валлонский язык не изучался, уступив место французскому. Во фламандских семьях молодое поколение также изучало французский язык [14].

Стремление к усилению позиций нидерландского языка со стороны населения Фландрии начало приобретать националистический оттенок. В соответствии с законом о языке 1921 года Бельгия оказалась разделенной на три языковые области: Фландрия использовала исключительно нидерландский язык, Валлония – исключительно французский, а Брюссель, где для большинства населения нидерландский был исконно родным, перешел на два языка. 17 муниципалитетов, входивших в агломерацию, были свободны в выборе языка, но отдали предпочтение французскому (кроме муниципалитета Синт-Стевенс-Волюве).

Языковой закон 1921 года был переработан в 1932 году, и нидерландский язык стал единственным языком управления на всех административных уровнях – от центрального до местных – во всех областях Фландрии

и в округах Лёвен и Брюссель (за исключением брюссельской агломерации). Муниципалитетам, расположенным вблизи языковой границы или Брюсселя, предписывалось оказывать административные услуги на двух языках, если результаты языковой переписи (один раз в десять лет) показывали, что число миноритарных носителей превышало 30%. Эту цифру отстаивали франкофоны, опасаясь, что в Валлонии администрация станет работать на нидерландском языке. При достижении 50% язык администрации должен был быть заменен. Возникла опасность подавления французского языка.

В школах брюссельской агломерации и муниципалитетов, расположенных вдоль языковой границы, преподавание велось либо на нидерландском, либо на французском языке. Выбор зависел от главы семьи, который получал право выбора языка в соответствии с используемым в домашних условиях. Однако ввиду низкого контроля над выбором языка фламандцы нередко указывали более престижный французский язык, и франсификация продолжалась [6].

В ходе столкновений в 1960-е годы сторонников и противников укрепления позиций французского языка в Брюсселе в 1964 году была создана партия "Front démocratique des francophones" («Демократический фронт франкофонов»), которая выступила против того, чтобы Брюссель был ограничен 19 муниципалитетами. Также она потребовала вернуть право выбора языка в образование и предоставить Брюсселю и его агломерации широкие экономические полномочия (позже, в 1989 году, это способствовало образованию Брюссельского региона с собственным Парламентом). Партия добилась того, что при сохранении двуязычия в делопроизводстве Брюсселя двуязычие государственных служащих становилось необязательным. Во время своего первого выступления на выборах 1964 года партия проводила кампанию под спорным лозунгом "Brüssel Vlaams, jamais" («Брюссель фламандский – никогда»), написанным одновременно на трех языках – немецком, нидерландском и французском готическими буквами. Это был намек на сотрудничество части Фламандского движения с оккупационными властями в Первую и Вторую мировые войны, что действительно имело место вследствие искусственной политики немцев. Во время административного раздела Бельгии в 1917 году Германия воспринимала Брюссель фламандским городом (за исключением коммуны Иксель) и поддерживала использование нидерландского языка в органах власти и учебных учреждениях в течение обоих оккупационных периодов. Тем самым притеснение нидерландского языка выставлялось партией «Демократический фронт франкофонов» как патриотизм, а предложения фламандцев по политическому устройству 19 муниципалитетов объявлялись весьма сходными с теми, что действовали во время фашистского режима [18].

Несмотря на открытую неприязнь к утверждению нидерландского языка как государственного на территории Фламандского региона, а также попытки его дискредитировать, именно нидерландский язык приобрел статус официального языка в образовательных учреждениях. Принятая языковая норма не являлась локальной или диалектной, а основывалась на общенидерландской. Одновременно с процессом утверждения национального языка во Фландрии начался экономический рост. В столицу стремились попасть на работу нидерландоговорящие граждане, и, хотя они не являлись постоянным населением Брюсселя, число горожан, предпочитающих использовать нидерландский язык, заметно увеличилось. Однако ситуация постепенно продолжала меняться в пользу все большего увеличения численности франкофонов, а двуязычие утрачивало свои позиции [19].

Во второй половине XX века произошли объективные события, существенно повлиявшие и на языковую картину в Брюсселе. В 1958 году город стал резиденцией Европейского экономического сообщества (в настоящее время Европейский союз); а с 1967 года в столицу Бельгии переехала штаб-квартира НАТО. Эти события повлияли на привлекательность Брюсселя для иммигрантов, его экономические и культурные характеристики, состав населения. В город устремились представители разных этнических групп из Южной Европы, Турции, франкоязычных Марокко и Конго.

С 1960 года до наших дней доля нерезидентов в Бельгии возросла в 10 раз. Приезжие, в особенности румыны, молдаване, итальянцы, португальцы и выходцы из франкоговорящей Африки, предпочитают для коммуникации французский язык.

Отметим, что брюссельский французский представляет собой особую романскую смесь. С одной стороны, это родной язык бельгийских франкофонов валлонского, пикардийского и французского (реже испанского и итальянского) происхождения, а с другой – это один из двух языков исконного нидерландоязычного населения города. И если язык франкофонов ориентирован на общеземлемую норму, хотя и заимствует элементы французского языка этнических брабантцев, которым близок марольский диалект, то французский язык нидерландоязычного населения является в некоторой степени искусственным, объединяя особенности говорящих на нем и удерживая в одном варианте. Французский язык автохтонных жителей Фландрии звучит помпезно и напыщенно, и франкофоны над этим шутят. Кроме местного населения, говорящего на французском языке, в Брюссель приезжают работать граждане Франции, которые используют общеземлемую языковую норму, а выходцы из бывших французских колоний говорят на своих вариантах французского.

Нидерландоговорящая часть населения Брюсселя ощущает некоторое единение с основным населением Фландрии, однако относит себя к жителям именно Брюсселя, что является результатом особого развития региона.

Современная языковая ситуация в Брюсселе

По причине международного характера столицы – значительного количества приезжих из самых разных стран, а также из Фламандского и Валлонского регионов, коренных брюссельцев не так уж много. Существуют даже специальные термины, обозначающие степень принадлежности к Брюсселю. Если некто родился и вырос

в столице, и оба его родителя – брюссельцы, то для такого человека применят название “ketje” («подросток»). При этом желательно, чтобы “ketje” хорошо владел брюссельским вариантом нидерландского языка (желательно с примесью марольского). Если только один из родителей – “ketje”, то горожанина назовут “zinneke”. Этимология этого слова не слишком радужна. Начиная с XVI века в одном из каналов города, который назывался «Малая Зенне» (“la Petite Senne” во французском и “Kleine Zenne” или “Zenneke” в нидерландском), топили одичавших бродячих собак, которых в столице развелось множество после того, как их массово завезли для борьбы с крысами. Сейчас слово “zinneke” на брюссельском диалекте означает «дворняжка».

Брюссельский вариант нидерландского языка испытывает воздействие общепольской нормы, в первую очередь, за счет заимствований. Кроме того, для него свойственно применение польского произношения к нидерландским словам. С другой стороны, брюссельский польский язык заимствовал множество нидерландских слов, а также особенностей нидерландского произношения. Нидерландское влияние на польский язык Брюсселя характеризуется воздействием не только южнонидерландских, бельгийских вариантов, но и общенидерландской нормы. В силу географического положения и этнических особенностей в Брюссельском регионе соприкасаются Польское и Фламандское сообщества, оказывая взаимное воздействие как друг на друга, так и на используемые языки.

Сопоставляя использование польского языка в Брюсселе и в Валлонском регионе, отметим, что происходит постепенное объединение, унификация вариантов в рамках общепольской нормы, в письменной форме различия минимальны. Сложно определить, какой из двух вариантов ближе к норме, а какой обладает большим разнообразием особенностей. С одной стороны, столица, будучи главным языковым центром страны, распространяет по всей Бельгии свой вариант. С другой стороны, в Валлонии бытует свой собственный вариант. Трудно сказать, какой из вариантов следует считать бельгийским польским. Во Фландрии в наше время к бельгийскому нидерландскому добавляется промежуточный язык “tussentaal” как нечто среднее между диалектами и бельгийским нидерландским. Можно, пожалуй, предположить, что таким промежуточным языком для франкофонов Бельгии мог бы выступить брюссельский польский как нечто среднее между бельгийским польским и общепольской нормой. Однако, скорее всего, в Брюсселе говорят на варианте бельгийского польского. Бельгийский польский, в свою очередь, является валлонским вариантом польского языка. Именно в Валлонии переход к польскому языку с точки зрения языкового родства был более органичным.

В последнее время в непростую языковую ситуацию в Брюсселе прибавляется еще один элемент – английский язык. Использование английского языка пока не претендует на какое-либо доминирование, польский язык по-прежнему преобладает, но динамика, с которой английский язык распространяется, складывается не в пользу польского языка. Связано это с тем, что Брюссель – это столица не только Бельгии, но всего Европейского союза. Здесь находятся штаб-квартиры международных компаний, использующих английский язык в качестве корпоративного. Именно отсюда по всей стране распространяются английские заимствования в самых различных сферах: масс-медиа, Интернет и компьютерные технологии, стиль и мода, кулинария, повседневная жизнь.

Серьезной причиной увеличения влияния английского языка является использование в речи политиков англицизмов, чтобы не выказывать предпочтения нидерландским или польским терминам и не демонстрировать приверженности лишь к одному из двух языковых сообществ. Более того, некоторые депутаты, для которых родным языком является либо польский, либо нидерландский, вторым государственным языком владеют слабо и не стремятся его улучшить. Им также проще использовать английский язык.

В то же время по численности говорящих арабский язык начинает конкурировать с английским языком. Эти два языка, совершенно новые для региона, осваиваются параллельно с польским. Арабский язык не изучается в школах, поэтому, например, выходцы из Марокко (около 20% населения Брюсселя) вынуждены изучать польский язык. Всего в Бельгии проживает порядка 450 тысяч мусульман. Две трети из них марокканского происхождения, остальные – из Турции, Алжира, Туниса, Пакистана и т.д. В основном мусульмане живут в Брюсселе и Антверпене. В последнее время все более часты заявления, что четвертым языком Брюсселя должен стать арабский [11, р. 12]. Возможно, мусульмане Бельгии откажутся в будущем от польского языка. Но на сегодняшний день ислам вошел во франкоязычную среду, и это также является существенной поддержкой франкофонии.

В целом в Брюсселе, как и во многих других европейских городах, растет языковое разнообразие. На сегодняшний день в столице Бельгии используется 104 языка, в то время как 10 лет назад их было 72. В течение того же периода доля брюссельцев, не говорящих на польском, нидерландском или английском языках выше базового уровня, выросла с 2 до 8% населения. Очевидно, что такая ситуация создает серьезную проблему не только в плане трудоустройства, но и в плане гражданского участия в развитии государства и социальной сплоченности [19; 20].

Заключение

Подводя итог историческому обзору языковой ситуации в Брюсселе, отметим два фактора: во-первых, языковое разнообразие, во-вторых, наличие двух официально признанных языков. Польский пока единолично доминирует в городе, но обстоятельства и условия его использования населением совершенно разные. Так, часть брюссельцев говорит на польском как на единственном родном языке, другие же считают польский вторым родным языком наравне, например, с нидерландским или арабским. Есть и те, кто осваивает

французский язык в течение жизни, не считая его родным. В целом на сегодняшний день 90% брюссельцев утверждают, что они хорошо или очень хорошо говорят на французском, 35% – на нидерландском и 40% – на английском. При этом увеличивается количество жителей, которые не изучают ни одного европейского языка.

Доля брюссельцев, в равной степени владеющих двумя языками, в настоящее время составляет около 20% и продолжает уменьшаться. Наибольший процент носителей нидерландского языка – в 4 коммунах на севере Брюссельского региона. В остальных 15 коммунах этот процент весьма невелик. Тем не менее в городе работает от 200 до 300 тысяч приезжих из Фландрии и Нидерландов.

Начиная с 2010 года в Брюсселе активно развивается гражданская инициатива под названием “Marnix Plan” («План Марникса»). Этот проект можно считать очень актуальным в свете высокого уровня иммиграции в регионе. Идеологическая основа плана – необходимость изучать три официальных языка – французский, нидерландский и английский. Одной из задач проекта “Marnix Plan” для многоязычного Брюсселя является разработка методики последовательного изучения нескольких языков для всех слоев населения, сочетая приоритет французского, нидерландского и английского с поощрением культурной интеграции языков приезжающих в столицу иностранцев.

Эти мероприятия потребуют не только изменений в образовательных программах, но и единой языковой политики на государственном уровне. Для поддержки проекта существует веб-сайт, проводятся публичные мероприятия, направленные на поощрение внимания к языкам и их изучению [10].

В целом из более чем 1,2 миллиона жителей Брюсселя только 65% являются по своей национальности бельгийцами. При сохраняющемся доминировании французского языка возрастает количество факторов, которые затрудняют его дальнейшее распространение. Нередко дети франкофонов обучаются на нидерландском или английском языках из-за снижения доверия к франкоязычному образованию в Брюсселе. Миграционные процессы внутри страны не способствуют стабилизации языковой ситуации. Поскольку в Валлонии устроиться на работу сложнее, чем во Фландрии, франкофоны переезжают во фламандскую часть страны, в том числе в Брюссель, с крайне недостаточным знанием нидерландского языка. При этом английским языком в Валлонском регионе хорошо владеет лишь 20% граждан. Следовательно, в столице позиции французского языка усиливаются. С другой стороны, уровень французского языка у молодых людей, приезжающих в Брюссель из Фландрии, снижается, и им легче общаться на английском, что одновременно ослабляет позиции нидерландского языка и способствует распространению английского.

Также исследователи отмечают, что разноязычные сообщества Брюсселя стремятся разобщиться и территориально, образуя городские территории, на которых преимущественно проживают представители той или иной языковой общности [8].

Тем самым мы приходим к следующим выводам. В результате сложных и порой драматичных исторических процессов на территории современной Бельгии в целом и Брюсселя в частности сформировалась уникальная ситуация, когда в одном городе официально признаны два государственных языка на фоне множества неофициальных.

В настоящее время, несмотря на различные тенденции, характерные для брюссельской языковой общности, именно французский язык остается крайне востребованным. Знание нидерландского и/или английского языков не избавляет жителей Брюссельского столичного региона от необходимости владеть французским. Но постепенно использование английского языка создает все большую конкуренцию, что может оказаться результатом не только глобализации, но и осознанного выбора валлонов и фламандцев, дабы намеренно избежать необходимости изучения второго государственного языка.

В результате государственной языковой политики и сложившийся современной языковой ситуации всего в столице используется 104 языка, из которых в наибольшей степени – французский (общеземельская норма, бельгийский французский, брюссельский французский, а также варианты французского языка приезжих из бывших колоний), а также нидерландский (общенидерландская норма, бельгийский нидерландский, марольский, ряд диалектов Фландрии и промежуточный язык “tussentaal”), английский и арабский. Жители Брюссельского столичного региона часто являются носителями двух и более языков и используют их в зависимости от ситуации, что значительно усиливает процессы языковой интерференции.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в более детальном изучении современного состояния вариантов французского и нидерландского языков, бытующих на территории Брюсселя, предполагая наличие в них большого количества следов фонетической, лексической и грамматической интерференции, что обуславливается тесным родством множества языков и их носителей, ежедневно взаимодействующих друг с другом. Интересно также задать вопрос, не является ли английский язык, все более используемый в Брюсселе, началом нормы “European English”, ведь в столице Европейского союза этот язык напрямую интерферирует с французским, нидерландским и в меньшей степени с немецким и арабским языками, все более отражая реалии официального центра европейской жизни.

Список источников

1. Денисенко И. Е. Лексические особенности бельгийского варианта французского языка на территории Валлонии и Брюсселя // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 1 (94). С. 23-32. DOI: 10.23859/1994-0637-2020-1-94-2.
2. Клоков В. Т. Французский язык в Бельгии. Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского, 2007. 348 с.

3. Необычный праздник для «последних из брюссельцев» [Электронный ресурс] // РИА НОВОСТИ. URL: <https://ria.ru/20040829/666581.html> (дата обращения: 11.04.2020).
4. Разумова Л. В. Языковая ситуация в Бельгии в исторической перспективе. Чита: Забайкальский гос. ун-т, 2014. 221 с.
5. Francisation de Bruxelles [Электронный ресурс]. URL: https://fr.qaz.wiki/wiki/Francization_of_Brussels (дата обращения: 11.04.2020).
6. Kesteloot Ch. Au nom de la Wallonie de Bruxelles français: Les origines du FDF, Histoires contemporaines. P.: Éditions Complexe, 2004. 375 p.
7. Louckx F. Vlamingen tussen Vlaanderen en Wallonië [Электронный ресурс]. URL: https://www.briobrusssel.be/sites/default/files/Taal_sociale_integr_5.pdf (дата обращения: 15.03.2020).
8. Murphy A. B. Brussels: Division in unity or unity in division? // Political Geography. 2002. № 21. P. 695-700.
9. Nederlandse en Vlaamse dialecten. Het Dialectenwoordenboek Gents [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mijnwoordenboek.nl/dialect/Gents> (дата обращения: 15.03.2020).
10. Plan Marnix [Электронный ресурс]. URL: <http://www.marnixplan.org/The-Marnix-Plan> (дата обращения: 15.03.2020).
11. Riccardo G. Bruxelles, musulmane en 2030? // Le Soir. 2010. 13 novembre.
12. Swenden W., Brans M. The hyphenated state, multi-level governance and the communities in Belgium: The case of Brussels // State Territoriality and European Integration. L.: Routledge, 2006. P. 120-144.
13. Vanden Branden J.-P. Regard amoureux sur le parler bruxellois. Bruxelles: La Boîte à Pandore, 2014. 288 p.
14. Velthoven H. van. De taalwetgeving en het probleem Brussel, 1830-1914 // Taal en Sociale Integratie. Vrije Universiteit Brussel. 1981. Vol. IV. P. 247-260.
15. Vriendt S. de. Brussels. Taal in stad en land. Tiel: Lannoo, 2004. 124 p.
16. Wanet F. Le Bruxellois de poche. Bruxelles: Assimil, 2000. 184 p.
17. Wils L. L'emploi des langues en matières judiciaires et administratives dans le royaume de Belgique // Revue du Nord. 1991. № 289. P. 51-71.
18. Wils L. Van Clovis tot Di Rupo: de lange weg van de naties in de Lage Landen. Antwerpen: Garant, 2005. 297 p.
19. Witte E. De Geschiedenis van België na 1945. Antwerpen: Standaard, 2006. 576 p.
20. Witte E. La question linguistique en Belgique dans une perspective historique // Pouvoirs. 2011. Iss. 1. № 136. P. 37-50.
21. Witte E. The Interdisciplinary Study of Urban Bilingualism in Brussels [Электронный ресурс]. URL: http://homepages.vub.ac.be/~rwillemy/125_Witte_Baetens_1987.pdf (дата обращения: 15.03.2020).

Информация об авторах | Author information

RU**Журавлева Ольга Михайловна**¹, к. ист. н., доц.**Ульяницкая Любовь Александровна**², к. филол. н.**Шумков Андрей Арнольдович**³, д. филол. н., доц.^{1, 2, 3} Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Ленина)**EN****Zhuravleva Olga Mikhailovna**¹, PhD**Ulianitckaia Liubov Alexandrovna**², PhD**Shumkov Andrey Arnoldovitch**³, Dr^{1, 2, 3} Saint Petersburg State Electrotechnical University¹ zhuralena@gmail.com, ² ulianitckaia_liubov@mail.ru, ³ noizen@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 10.12.2020; опубликовано (published): 26.02.2021.

Ключевые слова (keywords): языковое смешение в Брюсселе; языковая ситуация; французский язык; нидерландский язык; государственная языковая политика; multilingualism in Brussels; linguistic situation; French language; Dutch language; national language policy.